

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЩЕПКИН

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
отдела Дальнего Востока
Институт восточных рукописей Российской академии наук
доцент Департамента востоковедения и африканистики
Национальный исследовательский университет «Высшая
школа экономики – Санкт-Петербург»
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
vshepkin@gmail.com

ОБРАЗ ПЕТРА I В ЯПОНИИ ПЕРИОДА МЭЙДЗИ

А н н о т а ц и я . Статья представляет результаты продолжающегося исследования, целью которого является выявление особенностей социокультурной адаптации образа российского императора Петра I в Японии. Рассматривается период Мэйдзи (1868–1912), когда пример Петровских реформ стал применяться в Японии. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: отобрать наиболее репрезентативные тексты о Петре с точки зрения широты их распространения; осуществить качественный контент-анализ этих текстов. Основными источниками исследования послужили труды японских просветителей второй половины XIX века по всемирной истории и географии, школьные учебники, сборники биографий выдающихся людей, а также первые отдельные биографии Петра I на японском языке. Устанавливается, что в трудах авторов начала периода Мэйдзи Петр предстает величайшим правителем в истории России, которому благодаря мудрости, прозорливости и стремлению к новым знаниям удалось полностью перестроить Россию и сделать из нее современное европейское государство и крупнейшую в мире империю. В целом нарратив о Петре наследует текстам авторов первой половины XIX века, таких как Ватанабэ Кадзан и Сакума Сэджан, при этом наблюдается повышенное внимание к личным качествам российского правителя, происходит его «очеловечивание», которое еще больше проявляется к концу периода: Петр начинает служить примером не только для государственных лидеров, но и для рядовых японцев. В то же время в условиях обострившегося противостояния Японии и России в Восточной Азии к концу XIX века в центре внимания авторов вновь оказываются истоки и цели экспансионистской политики российского императора. Таким образом, в статье впервые выявлены особенности интерпретации и адаптации образа Петра I в Японии второй половины XIX – начала XX века.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Петр I, образ России, история Японии, период Мэйдзи, император Мэйдзи, российско-японские отношения

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42018 («Образ Петра Великого в странах Восточной Азии: социокультурная интерпретация и адаптация»).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Щепкин В. В. Образ Петра I в Японии периода Мэйдзи // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.770

ВВЕДЕНИЕ

Эпохи правления императоров Петра I и Мэйдзи в истории России и Японии соответственно являются естественными объектами для сравнения: и та, и другая представляют собой яркие примеры модернизации традиционных обществ в Новое время. Многие исследователи прибегали к сравнениям как самих фигур двух правителей, так и их реформ [2], [6], [7]. В то же время обе эпохи отстоят друг от друга на полтора столетия, а потому петровский опыт реформ и модернизации мог учитываться и использо-

ваться мэйдзийскими преобразователями [1], [18]. В своих прошлых статьях, посвященных образу Петра I в Японии, мы попытались проследить историю его формирования и выявить его особенности в эпоху Эдо, а именно в XVIII и первой половине XIX века [11], а также проанализировать репрезентацию «петровской модели» реформ в трудах японских мыслителей первой половины – середины XIX века [12]. В данной статье хотелось бы продолжить тему исследования, проанализировав дальнейшее развитие образа Петра I в эпоху Мэйдзи, то есть в период,

когда пример российского реформатора стал использоваться в Японии на практике.

Основными источниками для исследования послужили, во-первых, труды просветителей начала периода Мэйдзи, таких как Фукудзава Юкити (1835–1901) и Утида Масао (1839–1876), которые использовались как учебники по всемирной истории и заложили основы нарратива о России и образа Петра в более поздних школьных учебниках. Другой значимой группой источников стали первые отдельные биографии Петра I, опубликованные как в начале периода Мэйдзи, так и на рубеже XIX–XX веков, то есть в конце периода. Такой выбор источников, на наш взгляд, позволяет, с одной стороны, проследить эволюцию образа Петра I на всем протяжении рассматриваемого периода, с другой – оценить степень влияния ранних просветителей на позднемэйдзийских авторов, получивших обязательное школьное образование уже в период Мэйдзи. Вышеуказанные группы источников обусловили и структуру данной статьи, разделенной на два параграфа.

ОБРАЗ ПЕТРА I В ТРУДАХ РАННИХ МЭЙДЗИЙСКИХ ПРОСВЕТИТЕЛЕЙ

В период Мэйдзи ориентированная на Запад часть японской элиты захватила власть в стране и приступила к реализации своего главного лозунга – «Богатая страна, сильная армия». Основным средством достижения этого видения модернизация, понимаемая как вестернизация государственной и экономической систем, армии и флота, социальных институтов. Для широкой общественной поддержки был также провозглашен лозунг «Цивилизация и просвещение», реализуя который элита распространяла свои ценности среди широких слоев населения. Одним из главных инструментов стало всеобщее обязательное школьное образование.

Японский историк Окадаки Кацуё, рассуждая о преподавании всемирной истории в японских школах с начала периода Мэйдзи, подразделяет его на три этапа. Первый этап, с 1872 по 1902 год, он называет периодом истории стран мира (яп. *банкокуси* 万国史). На втором этапе (1902–1949) произошло разделение предмета на историю Востока, историю Японии и историю Запада. Наконец, на третьем этапе, продолжающемся и сейчас, утвердилось разделение на историю Японии и всемирную историю (яп. *сэкайси* 世界史) [14: 21]. В данной статье внимание будет сосредоточено на первом этапе, когда история России преподавалась в рамках курса истории стран мира.

Первые учебники по истории стран мира появились в Японии с началом реформы школьного

образования в 1870-е годы, причем существовали как учебники, написанные японцами, так и переведенные с европейских языков, например «История стран мира» американца Питера Парли (1793–1860). Однако структура и содержание нарратива истории и географии стран мира были заложены еще в трудах таких японских просветителей, как Фукудзава Юкити и Утида Масао. Их сочинения, ориентированные на максимально широкий круг читателей, создавались не как учебники, но активно использовались в этом качестве, а также как пособия для преподавателей вплоть до 1880-х годов [13: 133], поэтому считаем правильным начать изучение темы именно с них.

Для изучения образа Петра I в Японии периода Мэйдзи представляется логичным выбрать в качестве отправной точки один из фундаментальных трудов японского просветителя Фукудзава Юкити «Положение дел на Западе» (яп. «Сэйё: дзидзё:» 西洋事情). Этот труд, и именно в свете образа России, был подробно рассмотрен в статье М. К. Ковальчук [4], однако для нашего исследования представляется важным уделить особое внимание репрезентации фигуры Петра I, поэтому, не умаляя значимости упомянутой статьи, позволим себе обратиться к тексту Фукудзава напрямую.

Фукудзава собирал материалы для своей книги в ходе двух поездок в США и страны Европы (включая Россию) в 1860–1862 и 1867 годах, чтобы впоследствии познакомить японцев с жизнью этих стран. Сочинение состояло из 10 томов, которые увидели свет в виде трех выпусков в 1866, 1867 и 1870 годах. Часть томов была посвящена общим основам западной цивилизации, таким как политическое устройство, международные отношения, образование, налоговая система и т. д. Другая часть – отдельным странам (США, Голландии, Англии, России, Франции¹), и в частности их истории, политическому устройству, вооруженным силам и финансовой системе.

России был посвящен второй том второго выпуска, увидевшего свет в 1870 году. В оригинальном ксилографическом издании он содержал 104 страницы. Повествование начиналось с истории России (52 страницы), затем шли описания политического устройства (29 страниц), армии и флота (18 страниц), денежной системы (5 страниц). Рассказ об истории России Фукудзава начинает с середины IX века (когда «датчанин Рюрик», занимавшийся «пиратством в северных морях», был приглашен жителями Новгорода, и «вместе они захватили власть над большей частью» будущей страны [16: 525]),

а завершает началом правления своего современника Александра II, упоминая в том числе о договорах с Китаем 1858 и 1860 годов и присоединении Приамурья, а также о продаже США владений в Северной Америке в 1867 году². В заключение он также приводит хронологическую таблицу роста территории России с 1462 по 1855 год [16: 556].

Периоду правления Петра I Фукудзава отводит значительную часть повествования: 22 из 52 страниц, посвященных истории России, то есть почти половину объема. Он подробно описывает приход Петра к власти, годы обучения и путешествий в Европу, военные походы и внутренние преобразования императора. Хочется обратить внимание, что, говоря о культурных и технических заимствованиях Петра, Фукудзава подчеркивает прагматичность и избирательность российского правителя:

«Постигнув за время пребывания в Англии и Голландии тайны кораблестроения и навигации, [Петр] пожелал изучить законы сухопутной войны и, услышав, что лучшей во всей Европе является организация армии в Австрии, он отправился в ее столицу Вену» [16: 529].

Примечательно, что такой подход позже исповедовало и японское правительство, которое старалось найти лучшие образцы для разных сфер деятельности. В свете изучения образа Петра интерес представляет оценка Фукудзава его деятельности и фигуры. Приведем ее здесь полностью:

«Император Петр после своего путешествия по разным странам и возвращения домой или занимался войной за пределами страны, или посвящал себя государственным делам внутри страны, а потому [у него] не оставалось времени на совершенствование в науках. Но если посмотреть на эффект реформ в России, то этого будет достаточно, чтобы оценить плоды его ученых занятий. Император всегда вставал в пять часов утра и весь день напролет усердно [трудился] без единого перерыва, а когда наступала ночь и дела были закончены, он садился у кувшина с водкой, в одиночестве наполнял большую кружку и не переставал [пить], пока не впадал в беспамятство. Он был от природы свирепым, и когда напивался пьяным, то даже тем, кого он в обычное время любил, мог нанести такой вред, словно расправлялся с врагом. Император всегда повторял: “Я смог исправить ошибки своей страны, но не способен исправить собственные ошибки”. Если кто-то проявлял невежливость к императору, он тут же высекал того кнутом, и даже высокопоставленные чиновники и придворная знать не могли избежать наказания. Говорят, в чрезвычайных случаях даже императрица Екатерина подвергалась порке кнутом. Он заточил свою сестру, убил сына, развелся с первой женой, убивал ни в чем не повинных дворян – его преступлениям нет счета, однако его слава всегда превосходила любых других правителей. Но, в конечном счете, чрезвычайно ред-

ки и те, кто бы, как император, сносил тысячи невзгод и лишений для того, чтобы сделать свою страну богатой и сильной, а своих подданных счастливыми. Если перебрать всех правителей из истории России и поразмыслить над их деяниями, что принесли добро стране, то окажется, что ни до, ни после Петра не было никого, кто сравнился бы с ним. Он поистине тот, кого следует назвать небывалым и неповторимым мудрым правителем» [16: 533–534].

В целом Фукудзава наследует нарративу, сложившемуся еще в трудах токугавских авторов, но заметно и то, что Фукудзава особенно подчеркивает личные качества Петра, позволившие ему сыграть выдающуюся роль в истории России: стремление к наукам и обучению, трудолюбие и усердие, самоотдача и жертвенность. Именно в характере и личности Петра Фукудзава ищет мотивы его реформаторской деятельности и причины ее успехов, и это предвосхищает подход, характерный для мэйдзийской Японии с ее вниманием к индивидуализму. В то же время позволим себе смелость предположить, что, упоминая о неспособности Петра преодолеть негативные черты своего характера, Фукудзава намекает на зависимость реформ и их успеха от абсолютной власти императора: чем радикальнее реформы, тем сильнее единоличная власть.

Отличие от монументального труда Фукудзава Юкити сочинение Утида Масао «Краткое описание стран мира» (яп. «Ёти сиракю» 輿地誌略) представляет собой, скорее, энциклопедию мировой географии, лаконичную и ориентированную на более широкий круг читателей. Фигуре Утида Масао и его сочинению посвятила ряд статей А. Б. Шарова [8], [9], [10], которая в том числе указывала на схожесть его с Фукудзава и общность роли их сочинений в деле просвещения Японии в начале периода Мэйдзи. «Краткое описание стран мира» состоит из 12 томов (в 13 тетрадах). Информация о России помещена в седьмом томе, ей отведено 20 из 80 листов (для сравнения: помещенной в том же томе Швейцарии отводится 11 листов, Италии – 28, Греции – 5, Турции (вместе с Румынией и Сербией) – 13). Кроме того, еще 9 листов посвящено Сибири, информация о которой помещена в другом (втором) томе об Азии. Описание России ведется по единственному для всех стран лекалу: сначала даются общие сведения о географии (расположение, климат, площадь, население, значимые природные объекты), затем повествуется о хозяйственной деятельности, политическом устройстве, отдельных регионах и крупных городах, в отдельный параграф выделяется краткая история страны.

О Петре Утида Масао упоминает несколько раз. Сначала, рассказывая о политическом устройстве, он пишет:

«Благодаря императору Петру эта страна пережила небывалый подъем со времен Средневековья, взяла на вооружение [достижения] западноевропейской цивилизации, переняла большое количество [ее] предметов и институтов и заложила основы богатого государства и сильной армии...» («Хотя, – продолжает он, – все это осуществляется сверху, и познания народа за этим не поспевают, а потому политический строй застыл в этом положении (абсолютизме. – В. Ш.) и еще не достиг цивилизованного уровня»³).

Затем, вскользь упомянув Петра как основателя Санкт-Петербурга, он подробно рассказывает о нем в разделе об истории России. Утида пишет, что на момент прихода Петра к власти в стране уже долгое время господствовали «зверские» обычаи и культура совершенно не развивалась, в ремеслах и технике также не было энергичных изменений, и лишь из-за большой численности населения и обилия продуктов процветали торговые города, такие как Новгород, куда в большом количестве приезжали и где подолгу жили купцы из других стран. У таких иностранцев, а именно у голландцев в Москве, Петр и начал учиться математике, познакомился с техническими новшествами западных стран, благодаря чему осознал, насколько Россия отстала от них. Тогда он решил лично отправиться в Европу и научиться всему, что может быть полезно для его страны. Утида называет это «поистине мудрым и великим устремлением»⁴. Утида подробно рассказывает о поездке Петра и его спутников по странам Европы, о приобретенных знаниях и навыках, заключая, что, вернувшись на родину, Петр «широко распространил дух науки и техники» внутри своей страны. Далее он коротко говорит о Северной войне, строительстве Петербурга, создании военно-морского флота и современных фортификационных сооружений, развитии транспорта и торговли. Утида заключает рассказ о Петре словами о том, что «он стал отцом могущества России, за что народ почтительно преподнес ему титул Великого императора, а это то, что попусту не делается»⁵. Как видно, Утида Масао, в отличие от Фукудзава Юкити, не пишет о личности или характере Петра, ограничиваясь рассказом о его деяниях, а также старается быть максимально отстраненным, приводя лишь оценку подданных, а не свою. Он, очевидно, считает период правления Петра эпохальным и ключевым в становлении современной России, при этом внимание автора сосредоточено на опыте заимствования достижений западной цивилизации, что, определенно,

призвано оправдать и подкрепить модернизационные устремления Японии 1870-х годов.

Для полноты картины обратимся к еще одному сочинению Фукудзава Юкити, которое, в отличие от «Положения дел на Западе», было ориентировано на гораздо больший круг читателей, и даже на детей. Это опубликованная в 1869 году книга «Все страны мира» (яп. «Сэкай кунидзукуси» 世界國盡). Вообще, слово *кунидзукуси*, использованное в названии сочинения, традиционно означало мнемоническую песню или стихотворение, в которых в том или ином виде перечислялись названия всех провинций Японии. Фукудзава использовал слово *кунидзукуси* в значении не провинции, а страны, добавив для ясности слово *сэкай* – *мир*. В книге автор простым языком рассказывает о странах мира, при этом повествование, переходя от страны к стране по принципу соседства, связано в непрерывный текст, словно автор вместе с читателем путешествует вокруг света или разглядывает карту мира.

В оригинальном издании книги помимо основного повествования, размещенного в нижней половине страниц, имеются более детальные примечания о некоторых персоналиях и топонимах в верхней половине. Так, страницы, посвященные России, дополнены примечанием о Петре I следующего содержания:

«Еще двести лет назад Россия была маленькой аграрной страной на севере, там были неизвестны науки, нравы были грубыми, а обычаи жестокими. Но в конце XVII века (в годы Гэнроку) появился проницательный правитель по имени император Петр, который разом реформировал страну, стал учиться у таких цивилизованных стран, как Англия, Франция и Голландия, основал школы, организовал армию и флот, защищал то, что внутри, и нападал на то, что снаружи. Он не только поставил [Россию] в один ряд со странами Европы, но и заложил основы настолько великой империи, что добрая слава [о нем] до сих пор гремит по всему миру» [17: 625–626].

Итак, в трудах ранних мэйдзийских просветителей Петр I предстает величайшим правителем в истории России, которому, благодаря мудрости, прозорливости и стремлению к новым знаниям, удалось полностью перестроить Россию и сделать из нее современное европейское государство и крупнейшую в мире империю. В целом нарратив о Петре наследует текстам токугавских авторов, таких как Ватанабэ Кадзан и Сакума Сёдзан, при этом у Фукудзава наблюдается уже повышенное внимание к личным качествам российского правителя, происходит его «очеловечивание», которое еще больше проявится на следующем этапе.

ПЕРВЫЕ ОТДЕЛЬНЫЕ БИОГРАФИИ ПЕТРА I В ЯПОНИИ И ЕГО ОБРАЗ

В отличие от трудов просветителей и школьных учебников по всемирной истории, где повествование о Петре велось в более широком контексте истории России с акцентом на его революционную роль в ней, в период Мэйдзи стали появляться также тексты, внимание которых было сосредоточено именно на жизни и личности российского правителя, то есть его биографии. Вообще, жанр биографии был знаком японскому читателю издавна и, хотя и имел свои социокультурные особенности, всегда оставался важным педагогическим ресурсом, как и в других культурах. Биография как жанр письменной культуры Японии восходит к соответствующим разделам китайских династийных историй [3: 10–15], а также к буддийским жизнеописаниям достойных монахов. В период Эдо (1603–1867) получили широкое распространение сборники текстов и серии гравюр на тему проявления сыновней почтительности или вассальной преданности, которые также можно рассматривать как частный случай биографий. Накануне и в начале периода Мэйдзи, когда, с одной стороны, обозначилась определяющая роль харизматических личностей в революционных событиях, а с другой – началось проникновение западных идей индивидуализма, жанр биографии обрел новое дыхание. В это время начинают активно издаваться сборники биографий как японцев, например «Жизнеописание знаменитых вассалов императорского двора» (яп. «Ко:тё: мэйсиндэн» 皇朝名臣傳), так и выдающихся деятелей Запада. И если первые в обилии содержали примеры служения трону, то вторые могли поведать о личных качествах, необходимых для такого служения в новую эпоху.

Сборники биографий иностранцев, как правило, переводились с европейских языков. Одним из первых изданий такого рода стали «Жизнеописание великих героев Запада» (яп. «Сэйё: эйкэцу дэн» 西洋英傑傳) 1872 года. Это был перевод сочинения некоего англичанина Фразера (личность автора, как и точные выходные данные оригинала, установить не удалось), выполненный Сакурадо Тио (другое имя – Ямаути Токусабу-ро). Сборник содержал пять биографий (в порядке следования тетрадей): Эдуарда Черного принца, Петра Великого, Жанны д'Арк, Джорджа Вашингтона и Наполеона. Жизнеописание Петра составляет в сборнике отдельную тетрадь из 35 листов. В нем довольно подробно, в хронологическом порядке излагается жизнь и деяния российского императора. Для данного исследования интерес представляет вводный абзац, в котором

дается общая характеристика фигуры Петра. Приведем его полностью:

«В истории Петра издавна называют Императором Всероссийским или Отцом Российского государства. Так его почтительно назвал народ. Он добросовестно управлял государством, не только выполнял обязанности главнокомандующего, но и владел навыками рядового солдата, тщательно изучал как богословие, так и естественные науки, и не было никого во всей стране, кто бы превосходил его в этом. Кроме того, он досконально разбирался как в исторических преданиях прошлых поколений, так и в механике, а также имел заслуги в кораблестроении и владел искусством мореплавания. Все люди, жившие в ту эпоху, знали о нем и говорили, что ни тогда, ни прежде в мире не бывало такого образованного и всесторонне талантливого правителя. Он усмирив волнения, добился мира и спокойствия, благодаря чему приобрел славу прозорливого и героического человека. Хотя издавна монархов было числом не счесть, но Великий император своими заслугами опередил их всех, и никто даже близко не мог с ним сравниться»⁶.

Как видно, автор этого текста в первых строках сосредотачивает внимание читателя не на деяниях и реформах Петра, которыми он прежде всего известен, а на его личных качествах, навыках и знаниях. Он видит величие императора именно в постоянном стремлении к обучению и саморазвитию в самых разных жизненных сферах, а помещая эту характеристику в начало текста, заранее объясняет все дальнейшие свершения и успехи Петра именно этими качествами. Это в целом соотносится и с жанровой спецификой текста: сборник биографий великих людей, обращенный к широкому читателю, и прежде всего к молодому, призван указать на ценности и приоритеты, которые необходимы в текущее время.

Первые отдельные издания биографии Петра I стали появляться в Японии также в период Мэйдзи, однако ближе к его концу. Насколько удалось установить, первым сочинением такого рода в Японии стала книга Акино Сигэхиро «Петр Великий» (яп. «Пэ:тору тайтэй» 伯多大帝), увидевшая свет в 1896 году. Акино Сигэхиро – писательский псевдоним Сакаи Кацуточи (1874–1940), известного японского христианского миссионера, оккультиста и основоположника теории об общем происхождении японцев и евреев. За свою жизнь он написал и перевел на японский язык множество книг, однако именно биография Петра I стала его первым писательским опытом. Строго говоря, «Петр Великий» не являлся от начала до конца его авторским трудом: в предисловии к книге Акино пишет, что ее «скелетом» стал перевод главы «Жизнь Петра Великого» из сочинения английского переводчика и детского писателя Генри Вильяма Далкена (1832–1894)

«Достойные люди мира» (“Worthies of the World”, London, 1880), а «плотью и кровью» – книги европейцев и «особенно русских», которые он использовал для справки или конспектировал, добавив при этом и собственные оценки⁷.

О том, что сподвигло Акино Сигэхиро взяться за написание биографии Петра, сам он умалчивает, однако на этот вопрос проливает свет некий Хиракава Сёси, написавший предисловие к книге. Он сообщает, что однажды у него с будущим автором зашел разговор о Петре, и Хиракава, заметив, как воодушевился Акино, посетовал, что до сих пор не написана биография великого императора. Акино сказал на это, что он взялся бы за нее, если бы ему доставало способностей, на что Хиракава ответил: «Говоря так, ты уже являешься ее автором, но надо лишь уделить этому немного времени»⁸. После этого Акино стал дни и ночи проводить в библиотеке, забывшая о еде и сне, и уже через десять дней рукопись книги была готова.

Основное содержание книги Акино Сигэхиро составляют восемь глав, в которых последовательно излагается жизнь и деятельность Петра I. Главы называются по периодам жизни императора: «Рождение Петра», «Детство Петра», «Отрочество Петра», «Юность Петра», «Петр в молодые годы», «Петр в зрелые годы», «Последние годы Петра», «Смерть Петра». Эти главы предваряются также вступительной главой, названной просто «Петр». В ней автор рисует метафорическую картину величественного пейзажа и одинокого орла посреди него. Затем, процитировав известное стихотворение Сакума Сёдзан о Петре I [11: 115], он подводит к раскрытию образа:

«Эти строки о правителе страны, которая, подобно свирепому орлу, раскинула свои воинственные крылья на запад и восток, окидывает пронзительным взглядом север и юг и только и ждет, чтобы взмыть вверх на десять тысяч ри. Именно Петр Великий вдохнул в Поднебесную Российскую империю и проложил ей путь к развитию»⁹.

Однако с точки зрения образа Петра интерес представляет заключительная глава, большая часть которой посвящена не столько обстоятельствам смерти Петра, как могло бы следовать из названия, сколько авторским оценкам его фигуры и деятельности. Акино задается вопросом: каким же человеком был Петр? И отвечает на него следующим образом:

«Он был необразованным мелким человеком (сяожэнь), неспособным обучить себя самостоятельно. Однако он был и широко эрудированным совершенным мужем (цзюньцзы), в одиночку обучившим великую им-

перию. При этом, способный преобразить свою страну, он оказался неспособен исправить собственное сердце. Он был жестоким рабом, который вершил дела, забыв о сострадании и Дао-пути. Но при этом он был также великодушным хозяином, который, забыв о себе, помогал нуждающимся людям. Он безжалостно заставлял людей нести службу, но и сам служил так же, как они»¹⁰.

Как видим, Акино описывает личность Петра, используя традиционные конфуцианские категории: «сяожэнь», «цзюньцзы», «Дао-путь», «исправление сердца (сознания)» и т. д. Эта ориентация на традиционную форму жизнеописаний в династийных историях отражает, на наш взгляд, общую тенденцию второй половины периода Мэйдзи (1890–1900-е годы) к отходу от европейских моделей в пользу традиционных японских и китайских, в первую очередь в сфере образования. Что же касается содержания оценки, то Акино в первую очередь акцентирует внимание на двойственности и противоречивости фигуры Петра, в которой и скрывался его революционный и уникальный для истории России потенциал. Он заключает свою оценку следующим высказыванием:

«Если меня попросят описать одной фразой, каким человеком был Петр, я отвечу: “Ради того, чтобы стать великим, создать Империю и построить Nation, он отказался от царского титула и стал плотником”»¹¹.

Спустя всего четыре года после выхода книги Акино Сигэхиро, в 1900 году увидела свет еще одна отдельная биография Петра I. Называлась она так же «Петр Великий», хотя имя царя было записано другими иероглифами (яп. «Пэ:тору тайтэй» 彼得大帝). Автором ее стал недавний выпускник юридического факультета Токійского императорского университета, молодой помощник судьи Сато Нобуясу (1874–1964). Книга состоит из короткого предисловия и девяти глав. В предисловии к книге, говоря о мотивах написания биографии Петра, Сато пишет, что, испытывая любовь к историческим и особенно биографическим книгам, он недавно прочел жизнеописание Петра, написанное неким французом, глубоко прочувствовал характер Петра и величие его деяний и осознал, что сегодняшние богатство и мощь России неслучайны, а потому, преисполненный глубоких и искренних чувств, он выполнил сокращенный перевод жизнеописания и, с тем чтобы пробудить простых людей, решил издать его в серии «Рассказов о мировой истории»¹². Первая глава вводная, в ней автор рассказывает об истории России до Петра, а восемь остальных повествуют об основных вехах жизни и правления царя: «Рождение Петра», «Детство Петра», «Молодость Петра», «Поездки Петра

за границу», «Реформы внутреннего управления Петра», «Дипломатия и войны Петра», «Последние годы жизни Петра» и «Личность Петра». Для нашего исследования особый интерес представляет именно последняя глава. Сато обращает внимание, что личность Петра формировалась в условиях внутренних и внешних неурядиц в стране, в обстановке постоянной борьбы за власть между потомками царя Алексея Михайловича и угрозы со стороны соседних держав: Турции, Польши и Швеции. Он предполагает, что все сильные и слабые черты характера будущего императора сложились как ответ на все эти внешние вызовы. Как и многие авторы до него, Сато придает большое значение тяге Петра к образованию, но отмечает его постоянный недостаток ввиду взрывного характера, неусидчивости и превосходства чувств над разумом. В отличие от Акино Сигэхиро, Сато Нобуясу однозначно называет Петра «совершенным мужем» (*цзюнь-цзы*), приводя пример из его жизни, когда он отменил смертный приговор одному из подданных, прислушавшись к его предсмертной речи, в которой тот указал на бессмысленность казней несогласных при отсутствии попыток устранить причину несогласия. Сато пишет, что Петр высоко ценил бесстрашие, обладал необычайной выносливостью, но самым выдающимся его качеством было то, что он умел своим трудом показать пример другим и заразить их своими планами¹³. Не менее важным, чем авторская оценка личности Петра, для настоящего исследования является то, что Сато Нобуясу поместил в заключительной главе своего труда текст так называемого «Завещания Петра Великого». Насколько удалось установить, это первый опубликованный перевод данного текста на японский язык. Как известно, этот апокрифический текст был составлен в первой трети XIX века, вероятнее всего, во Франции и неоднократно использовался для антироссийской пропаганды в странах Европы¹⁴.

Точно неясно, какой текст Сато Нобуясу использовал для перевода. Возможно, это был наиболее распространенный полный французский текст Ф. Гайярде 1836 года. Примечательно, что в переводе Сато Нобуясу появилась одна неточность, которая позже позволила использовать «Завещание» для антироссийской пропаганды и в Восточной Азии. В девятом пункте «Завещания» говорилось о необходимости «восстановить древнюю левантийскую торговлю через Сирию». В переводе Сато слово *Сирия* при сохранении иероглифической записи (西利

亜) сопровождается записанным азбукой чтением *Сибэриа* (Сибирь), а слово *Левант* (來般多) транскрибировано как *Кякута*, то есть Кяхта. В результате одним из пунктов «Завещания» было «восстановить древнюю кяхтинскую торговлю через Сибирь»¹⁵. Японский историк Торияма Сигэто, комментируя этот факт, предполагает, что исправление в японском переводе «Завещания» было сделано намеренно для японских читателей [15: 3–4].

Сам Сато Нобуясу оставляет текст «Завещания» практически без комментария, замечая лишь, что, «прочитав его, можно понять, в чем состояли намерения курса Петра», а также что «дальнейшее строительство империи действительно основывалось на этом завещании»¹⁶. Однако, если вспомнить, что книга Сато Нобуясу увидела свет в 1900 году, публикация текста «Завещания» оказалась к месту. Уже спустя четыре года, когда началась Русско-японская война, текст появился, например, на страницах «Краткой истории России» Идзита Мосити, последняя глава которой была посвящена анализу истоков российско-японского столкновения в Китае¹⁷. Кстати, в этой книге *Сибирь* и *Кяхта* в тексте «Завещания» уже были записаны азбукой, с однозначным чтением¹⁸.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сказать, что к началу Русско-японской войны история образа Петра Великого в Японии сделала полный круг и замкнулась. В конце XVIII века проникновение первых сведений о Петре и формирование его образа было тесно связано с потребностью японцев объяснить внезапное появление у своих северных границ дотоле почти неизвестного могущественного государства – России. Затем, в первой половине XIX века, акцент в восприятии фигуры Петра сменился: российский правитель и его революционные преобразования стали использоваться как возможная модель для Японии. В начале периода Мэйдзи, когда правящие круги Японии все же решились использовать эту модель на практике, все больший интерес начинают привлекать личность и характер Петра, позволившие ему претворить в жизнь великие замыслы, при этом Петр уже может служить примером не только для государственных лидеров, но и рядовых японцев, прежде всего молодых. Наконец, к концу периода Мэйдзи, когда Японии удалось в те же сроки, что и Петру, модернизировать государство, армию и экономику, ей пришлось встретиться лицом к лицу с результатами политики Петра и его потомков, основы которой

нашли отражение в апокрифическом «Завещании». В то же время едва ли можно говорить о некоем едином для Японии периода Мэйдзи образе Петра Великого. Речь, скорее, идет об общих тенденциях в анализе фигуры и деятельности Петра. В этом смысле мы наблюдаем, что на первый план выходит человеческое измерение. С одной стороны, сами авторы все более смелы в своей оценке и критике, они все меньше абсолютизируют и подмечают негативные черты как в личности, так и в правлении Петра. Благодаря этому, с другой стороны, очеловечивается и образ Петра: обожествляющие метафоры, наблюдавшиеся в период Токугава, теперь едва ли возможны. В то же время при оценке Петра в ряде текстов по-прежнему активно используется конфуцианская терминология, позволяющая поместить российского правителя в традиционную для жанра биографий систему оценок.

В заключение нельзя не обратить внимания на то, что ни один из рассмотренных японских авторов не прибегает к сравнению Петра и его деятельности с современным им императором Мэйдзи. На наш взгляд, это может объясняться сакральным статусом царствующего тэнно, не позволявшим оценивать или сравнивать его с другими правителями, которые к тому же на глазах очеловечивались. Примечательно, что в первом посмертном жизнеописании Мэйдзи, составленном его придворными, сравнение с Петром озвучивается в разделе, посвященном воинским добродетелям императора, однако оно вкладывается в уста иностранцев [5: 462–463]. Таким образом, придворным идеологам удалось поставить Мэйдзи и Петра I в один ряд, при этом не посягнув на сакральность Мэйдзи и даже придав объективного веса его заслугам с помощью апелляции к иностранным оценкам.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Судя по оглавлению, предваряющему 1-й том сочинения, вышедший в 1866 году, изначально Фукудзава предполагал включить в тома второго выпуска книги описание Португалии и Пруссии, а также небольшой параграф о Бельгии, однако в итоговом издании второго выпуска в 1870 году этих описаний не было.
- ² М. К. Ковальчук в своей статье почему-то пишет, что сведений о продаже Аляски в труде Фукудзава нет [4: 64].
- ³ 内田正雄。輿地誌略。第二編、第七卷。敦賀、1874年。4頁 (Утида Масао. Краткое описание стран мира. Вып. 2. Т. 7. Цуруга: Цуруга кэн гакко, 1874. С. 4).
- ⁴ Там же. С. 19.
- ⁵ Там же. С. 20.
- ⁶ 西洋英傑傳。第二卷。魯西亜大帝伯德球。東京、1872年。1頁 (Жизнеописания великих героев Запада. Т. 2. Жизнеописание российского императора Петра Великого. Токио: Эйрандо, 1872. С. 1).
- ⁷ 秋野茂広。伯多大帝。東京、1896年。II頁 (Акино Сигэхиро. Петр Великий. Токио: Ансокунити гакко: симбунся, 1896. С. II).
- ⁸ Там же. С. I.
- ⁹ Там же. С. 1–3.
- ¹⁰ Там же. С. 71.
- ¹¹ Там же. С. 73.
- ¹² 佐藤信安。彼得大帝。東京、1900年。3頁 (Сато Нобуясу. Петр Великий. Токио: Хакубункан, 1900. С. 3). Это была 20-я книга серии, в которой в 1899–1902 годах вышло 36 книг.
- ¹³ Там же. С. 120–124.
- ¹⁴ Шубинский С. Мнимое завещание Петра Великого // Древняя и новая Россия. 1877. № 1. С. 97–106.
- ¹⁵ Саго Нобуясу. Указ. соч. С. 128.
- ¹⁶ Там же. С. 132.
- ¹⁷ 伊地知茂七。露西亜小史。東京、1904年。189–208頁 (Идзита Мосити. Краткая история России. Токио: Гансё:до:, 1904. С. 189–208).
- ¹⁸ Там же. С. 88.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вада Харуки. Представления о России в Японии: учитель, враг, собрат по страданиям // Россия и Япония в исследованиях советских и японских ученых. М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 50–61.
2. Воробьева Е. С. Россия и Япония: опыт культурной модернизации // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 4 (24). С. 42–46.
3. Вяткин Р. В. Вступительная статья // Сыма Цянь. Исторические записки. Т. VII. М.: Восточная литература, 1996. С. 10–28.
4. Ковальчук М. К. Фукудзава Юкити «Сэйё дзидзё»: взгляд на Россию через призму европейских источников // Россия и АТР. 2018. № 2. С. 53–66.

5. Мещеряков А. Н. Первое жизнеописание императора Мэйдзи // История и культура традиционной Японии (Труды института восточных культур и античности. Вып. XVI). М.: РГГУ, 2008. С. 449–468.
6. Панов А. Н. Эпоха реформ в России и Японии (середина XIX века – начало XX века) // Ежегодник Японии. 2015. Т. 44. С. 304–337.
7. Самойлов Н. А. Император Мэйдзи и Петр Великий: образ правителей-реформаторов в китайской общественной мысли конца XIX века // Япония XXI NOVA: эра и век. Исследования российских и зарубежных ученых, посвященные наступлению девиза годов Рэйва [«Issues Of Japanology = Вопросы японоведения». № 8]. СПб.: Art-xpress, 2020. С. 587–599.
8. Шарова А. Б. Утида Масао. Возвращение имени // Вестник Московского государственного университета. Сер. 13: Востоковедение. 2018. № 2. С. 87–100.
9. Шарова А. Б. Описание Европейской части России и Сибири в географическом сочинении Утида Масао «Ёти сиряку» // Манускрипт. № 1. Тамбов: Грамота, 2020. С. 70–74. DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.14
10. Шарова А. Б. Описание стран в географической энциклопедии Утида Масао «Ёти сиряку»: Голландия // История и культура Японии. Вып. 12. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 344–349.
11. Щепкин В. В. Первые сведения о Петре I и формирование его образа в Японии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490.
12. Щепкин В. В. Реформы Петра I как модель для Японии в сочинениях конца периода Эдо // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20, № 10: Востоковедение. С. 82–91. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91
13. 亀井拓. 明治期における地理教育—小学教育を中心に。『文化交渉: 東アジア文化研究科院生論集』、2015年、第4号、125–146頁。(Камэи Таку. Географическое образование в период Мэйдзи: на примере младшей школы // Культурные связи: Сборник статей магистрантов кафедры исследований культур Восточной Азии. 2015. № 4. С. 125–146).
14. 岡崎勝世. 日本における世界史教育の歴史—普遍史型万国史の時代。『埼玉大学紀要』、第51号、第2編、2016年、21–64頁 (Окадзакэ Кацудэ. История преподавания всемирной истории в Японии: эпоха истории стран мира по образцу универсальной истории // Ученые записки университета Саитама. 2016. Т. 51. Вып. 2. С. 21–64).
15. 烏山成人. ピョートル大帝の「遺書」について。『ロシア史研究』、1992年、第52号、10頁 (Торияма Сигэто. О «Завещании» императора Петра Великого // Исследования по истории России. 1992. Т. 52. С. 3–10).
16. 福沢諭吉. 西洋事情. 福沢諭吉全集、第1巻、東京、慶応義塾、1958. 275–608頁 (Фукудзава Юкити. Положение дел на Западе // Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити. Т. 1. Токио, 1958. С. 275–608).
17. 福沢諭吉. 世界國盡. 福沢諭吉全集、第2巻、東京、慶応義塾、1959. 579–668頁 (Фукудзава Юкити. Все страны мира // Полное собрание сочинений Фукудзава Юкити. Т. 2. Токио, 1959. С. 579–668).
18. Fedukin I. “Westernizations” from Peter I to Meiji: war, political competition, and institutional change // Theory and Society. 2018. Vol. 47 (2). P. 207–231.

Поступила в редакцию 28.03.2022; принята к публикации 28.04.2022

Original article

Vasilii V. Shchepkin, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Higher School of Economics National Research University – St. Petersburg, (St. Petersburg, Russian Federation)
vshepkin@gmail.com

THE IMAGE OF PETER THE GREAT IN MEIJI JAPAN

Abstract. The article presents the results of an ongoing study, the purpose of which is to identify the features of the sociocultural adaptation of the image of the Russian Emperor Peter the Great in Japan. This article examines the Meiji period (1868–1912), when the example of Peter the Great’s reforms began to be applied in Japan. To achieve the goal, the following tasks were set: to select the most representative texts about Peter the Great in terms of the breadth of their distribution and to carry out a qualitative content analysis of these texts. The main sources of research were the works of the Japanese enlighteners of the second half of the XIX century on world history and geography, school textbooks, collections of biographies of prominent people, as well as the first individual biographies of Peter the Great in Japanese. It was revealed that in the works of the authors at the beginning of the Meiji period Peter the Great is represented as the greatest ruler in the history of Russia, who, thanks to his wisdom, insight, and desire for new knowledge, managed to completely rebuild Russia and make it a modern European state and the world’s largest empire. In general, the narrative about Peter the Great succeeds the texts of the authors of the first half of the XIX century, such as Watanabe Kazan and Sakuma Shozan, while there is an increased attention to the personal qualities of the Russian ruler, his “humanization” takes place, which becomes even more pronounced towards the end of the period. Peter the Great begins to serve as an example not only for state leaders, but also for the ordinary Japanese. At the same time, in the context of the intensified confrontation between Japan and Russia in East Asia in the late XIX century, the authors again focus on the origins and

goals of the expansionist policy of the Russian emperor. Thus, the article for the first time reveals the features of the interpretation and adaptation of the image of Peter the Great in Japan during the second half of the XIX and the early XX centuries.

Keywords: Peter the Great, image of Russia, history of Japan, Meiji period, Emperor Meiji, Russian-Japanese relations

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 20-09-42018 “Image of Peter the Great in East Asian countries: Sociocultural interpretation and adaptation”.

For citation: Shchepkin, V. V. The image of Peter the Great in Meiji Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):80–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.770

REFERENCES

1. Wada, Haruki. Perceptions of Russia in Japan: teacher, enemy, fellow in suffering. *Russia and Japan in the studies by Soviet and Japanese researchers*. Moscow, 1986. P. 50–61. (In Russ.)
2. Vorobyova, E. S. The experience of culture modernization in Russia and Japan. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2016;4(24):42–46. (In Russ.)
3. Vyatkin, R. V. Introduction. *Sima Qian. Records of the Grand Historian*. Vol. VII. Moscow, 1996. P. 10–28. (In Russ.)
4. Kovalchuk, M. K. Fukuzawa Yukichi’s “Seiyo: jijo”: Japanese view on Russia through the lens of European sources. *Russia and the Pacific*. 2018;2:53–66. (In Russ.)
5. Meshcheryakov, A. N. First biography of Emperor Meiji. *History and culture of traditional Japan (Proceedings of the Institute of Oriental and Classic Studies, Issue XVI)*. Moscow, 2008. P. 449–468. (In Russ.)
6. Panov, A. N. Period of reforms in Russia and Japan (from the mid-XIX to the early XX centuries). *Yearbook Japan*. 2015;44:304–337. (In Russ.)
7. Samoylov, N. A. Emperor Meiji and Peter the Great: the image of reforming rulers in Chinese social thought in the late XIX century. *Japan XXI NOVA: era and century. Studies by Russian and foreign researchers dedicated to the beginning of Reiwa era [Issues of Japanology, No 8]*. St. Petersburg, 2020. P. 587–599. (In Russ.)
8. Sharova, A. B. Uchida Masao. Returning the name. *MSU Vestnik. Series 13. Orientalism*. 2018;2:87–100. (In Russ.)
9. Sharova, A. B. Description of European Russia and Siberia in the geographical work “Yochi shiryaku” by Uchida Masao. *Manuscript*. 2020;1:70–74. DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.14 (In Russ.)
10. Sharova, A. B. Description of world countries in Uchida Masao’s “Yochi shiryaku”: Holland. *History and Culture of Japan*. Issue 12. Moscow, 2020. P. 344–349. (In Russ.)
11. Shchepkin, V. V. Early information about Peter I and shaping of his image in Japan. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):115–122. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.490 (In Russ.)
12. Shchepkin, V. V. Reforms by Peter the Great as a model for Japan in the writings of the late Edo period. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2021;20(10: Oriental Studies):82–91. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-10-82-91 (In Russ.)
13. 亀井拓。明治期における地理教育—小学教育を中心に。『文化交渉: 東アジア文化研究科院生論集』、2015年、第4号、125–146頁。
14. 岡崎勝世。日本における世界史教育の歴史—普遍史型万国史の時代。『埼玉大学紀要』、第51号、第2編、2016年、21–64頁。
15. 鳥山成人。ピョートル大帝の「遺書」について。『ロシア史研究』、1992年、第52号、3–10頁
16. 福沢諭吉。西洋事情。福沢諭吉全集、第1巻、東京、慶応義塾、1958。275–608頁
17. 福沢諭吉。世界國盡。福沢諭吉全集、第2巻、東京、慶応義塾、1959。579–668頁
18. Fedukin, I. “Westernizations” from Peter I to Meiji: war, political competition, and institutional change. *Theory and Society*. 2018;47(2):207–231.

Received: 28 March, 2022; accepted: 28 April, 2022